
Персонология

ДИАЛОГОВО-ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ МЫШЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА: РЕСУРСЫ ПЕРВИЧНОГО ОПЫТА

И.А. ПОГОДИН

Погодин Игорь Александрович — директор Института Гештальта (Минск), ведущий тренер и член Профессионального совета Московского гештальт института, кандидат психологических наук, доцент. Гештальт-терапевт, супервизор и преподаватель гештальт-терапии, специалист в области кризисной психотерапии. Автор диалогово-феноменологической модели гештальттерапии. Главный редактор «Вестника Гештальт-терапии». Автор более 250 публикаций, в том числе учебников, монографий, учебно-методических пособий.

Контакты: pogodpsy@rambler.ru, www.pogodin.by

Резюме

Статья посвящена анализу мысли и мышления как основаниям полевой динамики. Проводится строгое разделение между мыслью и концепцией. Мысль апеллирует к риску и мужеству Быть в пространстве первичного опыта, в то время как концепция появляется в поле посредством ретрансляции феноменов. Подчеркиваются колоссальные ресурсы, которые содержит в себе первичный опыт, для процесса мышления. Отдельное место в статье уделено динамике мышления в этиологии «безумия».

Ключевые слова: *мысль, концепция, первичный опыт, self-парадигма, безумие, разделяемая и неразделяемая реальность, творческий и адаптационный векторы переживания.*

При рассмотрении феноменологии первичного опыта неизбежно встает вопрос о том, является ли мысль феноменом первичного опыта или вторичного. Прежде чем отве-

тить на него, необходим более подробный анализ сущности мыслительного акта в рамках методологии диалогово-феноменологической психотерапии.

Классические представления о мышлении традиционно исходят из нескольких допущений. Во-первых, сущность переживания сводится лишь к приспособительному его вектору, при этом творческий его вектор игнорируется. Во-вторых, психический детерминизм рассматривается как базовый принцип, определяющий природу всего психического, в том числе и мышления. В-третьих, мыслительный акт сущностно принадлежит не полю, но его субъекту, иначе говоря, мы апеллируем лишь к абстрагированному вторичному опыту. Диалогово-феноменологический подход в психотерапии предлагает альтернативу традиционной концепции мышления. В свою очередь она исходит из следующих предпосылок:

1. Реабилитация значения творческого вектора в динамике переживания.

2. Атрибуция мысли полю, а не субъекту.

3. Разрушение методологической власти времени, проявляющееся в придании ему статуса абстракции поля.

4. Опора на феноменологический метод вместо культивирования принципа психического детерминизма.

Мысль как феномен поля: творческий и адаптационный векторы переживания

Мысль — феномен надфункциональный, т.е. напрямую не имеет отношения к какой-либо из функций self. Причем мысль — это феномен первичного опыта, т.е. принадлежит полю, но не индивиду. В этот момент закономерно возникает вопрос: «Кому же тогда принадлежат великие

открытия в науке, гениальные концепции в философии и революционные инновации в искусстве?» Мы привыкли связывать каждое из них с именем того или иного гениального человека, с *его* поисками и *его* процессом мышления. Не девальвирует ли предлагаемый тезис значение гения в науке, культуре, философии и искусстве? Полагаю, нет. Уделим внимание двум аспектам этой проблемы.

Во-первых, сказанное является верным лишь до тех пор, пока мы остаемся в рамках первичного опыта. В тот же момент, когда поле дифференцируется и появляются его субъекты, мысль атрибутируется одному из них. Таким образом, пространство абстрагированного опыта уже предполагает авторство. Думается, именно коллизии первичного и вторичного опыта легли в основание известного постмодернистского тезиса о том, что все сказанное и помысленное сегодня — уже цитата. В современном постмодернистском мире довольно легко обращаются с заимствованием мыслей и идей. Стоит отметить, что положением о принадлежности мысли полю достаточно легко можно спекулировать, достигая время от времени порога злоупотребления в виде плагиата. Напомню, что пространство вторичного абстрагированного опыта, в котором разворачивается процесс развития цивилизации, опирается на представления об авторстве. Однако в настоящей работе тезис о принадлежности мысли полю мы рассматриваем значительно шире и глубже того аспекта, который определяется авторством. Речь здесь идет о раскрытии ресурсов первичного опыта

для мышления человека в целом и для психотерапии в частности.

Во-вторых, действительно, мысль принадлежит полю. Но поле, в свою очередь, является продуктом процесса переживания. Иначе говоря, человек во многом создает поле, продуктом динамики которого является новая мысль, лежащая в основе того или другого открытия или концепции. Гений — это человек, чрезвычайно чувствительный к феноменологической динамике поля. Его восприятие оказывается доступным огромным объемом феноменов, которые обыватель проскакивает ежесекундно. Опираясь на такую экстрачувствительность к полю, великие философы и ученые формируют пространство первичного опыта наиболее подходящим образом для регистрации новых наблюдений, взаимосвязей и закономерностей. Они и ложатся в основу той или иной революционной концепции, теории или открытия. В некотором смысле гений представляет собой более чувствительный к феноменологической динамике поля инструмент, функции которого заключаются в приеме и передаче полевой информации. В самом общем виде поле приобретает черты ноосферы, развитие которой определяет современный этап эволюции человека (Шарден, 1965).

Известный испанский философ и социолог Хосе Ортега-и-Гассет, рассуждая в работе «Что такое философия?» (Ортега-и-Гассет, 2003) о сущности человеческого мышления и природе эпохальных открытий, ссылаясь на Платона, пишет: «...поэтому Платон, почувствовав, что истины, которые он называл идеями, следует поместить вне временного мира,

изобретает другое квазиместо, лежащее за пределами мира, надлунный мир; хотя этот шаг имел серьезные последствия, нельзя не признать, что как образ это понятие плодотворно. Оно позволяет представить наш временный мир как мир, окруженный иным пространством, с иной онтологической атмосферой, где бесстрастно пребывают вневременные истины. Но вот в один прекрасный миг одна из этих истин — закон всемирного тяготения — просачивается из этого надлунного мира в наш, проскользнув сквозь внезапно открывшееся отверстие. Упав, идеальный метеорит остается в реальном, человеческом и историческом мире — таков образ пришествия, сошествия с небес, трепещущий в глубине всех божественных откровений.

Но это падение и просачивание истины из надлунного мира в наш мир ставит очевидную и многозначную проблему, которая, к нашему стыду, еще ждет своего исследования. Отверстие, которое, открывшись, пропускает истину, — это просто человеческий разум. Тогда почему некую истину схватывает, улавливает некий человек в некое время? Почему о ней не задумывались раньше или позже? Почему ее открыл именно этот человек? Очевидно, речь идет о существенном сходстве между конфигурацией этой истины и формой отверстия — субъекта, — сквозь которое она проходит. Все имеет причину. Если случилось так, что до Ньютона закон всемирного тяготения не был открыт, значит, между человеческим индивидом Ньютоном и этим законом существовало определенное родство» (Кемпинский, 2002).

Прошу прощения у читателя за использование столь объемной цитаты. Но она в полной мере отражает взгляд на сущность того, как устроено мышление, с позиции концепции первичного опыта. Вернемся же к проблеме мысли в структуре первичного опыта. Перед нами сейчас встает еще один важнейший вопрос: является ли мысль феноменом или нет? Ответ на этот вопрос настолько важен, что обойти его вниманием не удастся. Чаще всего в жизни мы имеем дело с «мыслью» как концепцией, нежели с мыслью как актом свободного и творческого усилия Жить. По этой причине зачастую то или иное наше суждение умирает уже в самом акте своего «рождения». Этакое мертворожденное дитя ментального процесса. Итак, мысль является феноменом первичного опыта только в том случае, если связана с усилием Жить. Иначе говоря, лишь мысль в мамардашвилиско-декартовском смысле этого слова принадлежит первичному опыту.

По мнению Р. Декарта и вслед за ним М.К. Мамардашвили, по-настоящему мыслить можно лишь несколько часов в году. Они говорили о титаническом усилии мысли, которое чем-то, по всей видимости, родственно усилию Жить в диалогово-феноменологическом подходе (Погодин, 2011а, б). Под фасадом мысли может прятаться лже-мысль — типичное для человека рациональное суждение, питаемое принудительной валентностью. Иначе говоря, та или иная ригидная концепция, которая не меняется годами, десяти-

летиями или столетиями. Когда человек произносит фразу «я думаю, что...», это еще не означает, что в данный момент он мыслит. Чаще всего он апеллирует сейчас к устоявшемуся ментальному конструкту, который выручал его, а может, еще и его предков, на протяжении довольно длительного времени. Этот конструкт закрепился в поле, выполняя ту или иную свою функцию¹. Теперь он подкреплен еще и действием принудительной валентности. Таким образом, «мышление человека» зачастую оказывается фиксировано в замкнутом круге отказа переживать.

Настоящая же мысль-феномен предполагает динамику, индуцированную естественной валентностью. Она неповторима и приходит, как правило, очень неожиданно, заставляя человека впечатляться ею. Мысль рождается только в эту секунду, только в этой уникальной ситуации поля. Именно в этот момент человек рождается как человек. И только в этот момент он живет. Разумеется, для этого требуется определенное мужество — мужество Быть, мужество Появиться.

Творческий вектор переживания в динамике мыслительных процессов

Фундаментом диалогово-феноменологической психотерапии является концепция переживания, природа которого предполагает сосуществование двух разнонаправленных векторов — творческого и приспособительного (адаптационного). Причем

¹ Как правило, эта функция предполагает остановку и блокирование переживания.

творческий вектор отвечает за постоянное создание реальности, в которой мы живем, а адапционный позволяет приспособливаться к ней. Применительно к процессу мышления это означает, что мысль является продуктом процесса переживания, инициированного динамикой отношений творчества и приспособления. От этой динамики и будет зависеть степень оригинальности появившейся мысли.

Возвращаясь к проблеме инноваций в науке, философии и искусстве, отметим, что творческий вектор переживания активизирован у гениев в большей степени, чем адапционный вектор. Поэтому они в некотором смысле пребывают в поле/реальности, радикально отличной от реальности обывателя или даже просто талантливого человека. Здесь мы подходим к грани, которая лежит в основе дифференциации «психически больного» и «нормального» человека, отделяя «безумие» от «психического здоровья». Этой гранью является факт разделенности реальности. Сумасшедшим мы обычно называем такого человека, который пребывает в неразделяемой реальности. Основанием для формирования разделяемой и неразделяемой реальности является сама природа переживания. Творческий вектор переживания ввиду его первичности определяет психические процессы на начальном этапе жизни человека. Адапционный вектор требует большего или меньшего времени для своего формирования, условием которого выступает наличие других людей, с которыми человек находится в отношениях. С течением времени адапционный вектор

переживания становится все сильнее, с одной стороны, стабилизируя психическую жизнь человека, с другой, хронифицируя ее в рамках self-парадигмы. Побочным продуктом этого процесса является неизбежное ущемление в правах творческих интенций. Реальность становится все более предсказуемой, но все менее живой.

Что же происходит в том случае, если условия жизни человека окажутся не подходящими для формирования адапционного вектора, например, при отсутствии значимых отношений с агентами реальности, каковыми обычно выступают близкие родственники, друзья, воспитатели, педагоги и др.? Адапционный вектор переживания просто не формируется в достаточной степени, чтобы отражать разделяемую окружающими людьми реальность. Творческий вектор вынужден взять на себя всю нагрузку психической жизни, что, разумеется, не может не вызвать серьезную тревогу у человека. Кроме всего прочего, эта тревога может быть многократно усилена сегрегационным по отношению к «безумию» характером современной культуры. В результате творческие интенции переживания, смешиваясь с чрезмерной для него тревогой, формируют self-парадигму, не разделяемую больше никем, что в свою очередь еще более усиливает тревогу, которая доводит психическую деятельность до дезорганизации. В результате мы имеем «феноменологию психотических и пограничных расстройств».

И это только одна сторона объяснения «безумия». Другая же и вовсе выворачивает наизнанку

сегрегационные основания современной психиатрии. Возможно, именно «безумцы» имеют мужество Жить, не утратив способность к творчеству переживания. Феномен неразделяемой реальности указывает нам лишь на то, что эта реальность уникальна. Уникальна так же, как и уникален каждый человек. Разумеется, в большей или меньшей степени, поскольку процесс социализации, который постигает большинство людей, живущих в современной культуре, движется по пути нивелирования психического своеобразия. Адаптационный вектор переживания при этом развивается все в большей степени. Происходит это, правда, за счет ограничения в возможностях и сфере действия вектора творческого. Так ли уж это справедливо? Несомненно, справедливо в отношении цивилизации в целом, но совершенно преступно в отношении уникальности человека, точнее сказать, в отношении каждого конкретного человека. В некотором смысле процесс социализации является процессом убийства личности. Хотя корректнее было бы использовать слово «Человек». Именно так, с заглавной буквы, поскольку именно оно, а не «синтетическая» неживая категория «личность» отражает тот уникальный человеческий дух, обеспечивающий мужество Жить. Действительно, в современной культуре

Жить всем сердцем означает рисковать утратить расположение окружающих в виде принятия, признания, любви. Современная культура — это культура условий ценности². Совершенно немудрено в таких условиях отказаться в угоду усредненного переживания от уникальности своей Жизни. В результате получается вполне пригодный для жизни в обществе адаптированный среднестатистический индивид. Нетрудно догадаться, что происходит с человеком, когда он отказывается от «предложений социализации». Его неизбежно преследует ужас. Поэтому Жизнь, действительно, предполагает значительный риск. Возможно, именно «безумцы» приняли этот риск, оставив сохранным творческий вектор переживания, предпочтя его вектору адаптационному.

Немного обобщив, полагаю, не ошибусь, утверждая, что современная культура — это культура альтернативы между творчеством в переживании с последующей сегрегацией и приспособлением к конвенциональной реальности. Хотя относительно двух последних утверждений следует сделать некоторый комментарий. Могло показаться так, что я всерьез рассуждаю о свободе выбора ребенка нескольких дней или месяцев жизни между сохранением свободы творческого переживания и адаптацией. В реальности же социализация — это

² Под условием ценности я вслед за Карлом Роджерсом понимаю условия, которые предъявляет окружение (например, родители) детям в процессе их социализации. Эти условия, как правило, сопряжены с ограничением витальности ребенка. Например: «Мы будем тебя любить, если ты...». А дальше следуют продолжения: «Не будешь шуметь, приставать, плакать, просить...» или «Будешь хорошо себя вести». В этом случае подразумевается отказ от того или иного рода витальных проявлений переживания ребенка.

совершенная «машина убийства творчества переживания». Иначе говоря, у ребенка нет никаких шансов сохранить в первичном виде первичный творческий процесс переживания. «Хорошие» родители обеспечивают замену этого опасного для адаптации источника витальности. «Безумцы» же, как показывают многочисленные данные таких же многочисленных исследований, имеют «плохих, шизофреногенных» родителей, основная черта поведения которых предполагает некоторое отстранение или, наоборот, чрезмерное психологическое вмешательство. И в том и в другом случае ребенок вынужден изолироваться от «источника социализации», в результате чего развитие адаптационного вектора приостанавливается, замедляется или блокируется вовсе. Человек оказывается один на один с опасностями Жизни, с риском, да и реальностью, отвержения. Творческий же вектор, в котором властвуют первичные процессы и первичный опыт, заменяет человеку ресурсы адаптации. В результате его ничто не ограничивает в создании уникальной реальности. Возможно, «безумец» имеет доступ в переживании к реальности, которая уже давно недоступна нам. Не случайно многие «безумцы» стояли у основания великих открытий, революций, верoucений.

Однако стоит сделать некоторые поправки к складывающемуся в настоящий момент моих рассуждений романтическому образу безумия. Практикующие психиатры совершенно справедливо могут оппонировать мне на основании того простого факта, что психотическая реальность, как правило, не такая я

уж и творческая. Разнообразие ее не соответствует возможностям творческого вектора переживания. Например, многие психотические миры вполне вписываются в ту или иную классификацию, например, в бред ревности, эротический бред или паранойд. Если это довольно скудное «меню» обеспечивается творческим вектором переживания, то встает вопрос о том, так ли уж его функционирование креативно. Действительно, бред или галлюцинации обладают стабильностью, объяснить которую действием творчества в переживании невозможно. Однако на то есть свои причины. И как ни странно, они связаны также с отчаянными попытками социализации. Дам немного пояснений относительно этого положения. Творческий вектор, создавая ту или иную реальность, блокируется в результате сегрегационных процессов в обществе. Создаваемый при этом фон выраженной тревоги направляет процесс переживания по тематике, созданной в значительной степени сегрегационной психиатрической культурой. Именно таким образом социализация заканчивает свое разрушительное дело, убивая творчество даже внутри «безумия». В результате появляется некоторый конечный набор психотических синдромов и симптомов. Несколько ранее я уже писал о том, что развитие психиатрических исследований в полной мере определяет соответствующую психотическую феноменологию (Погодин, 2007, 2011а, б).

Вернемся к обсуждению сохранения творчества в переживании. Схожие с «сумасшествием» процессы мы можем наблюдать и у людей с экстраординарными способностями.

Для того чтобы творческий вектор переживания имел превалирующее влияние на жизнь человека, необходимо в некоторой степени ограничить власть адаптационных процессов переживания. Зачастую у гениев не складываются значимые отношения с Другими, которые могли бы формировать способность к приспособлению. В результате неограниченный в правах творческий вектор интенсивно участвует в формировании реальности (поля), что создает условия для появления новых оригинальных мыслей, которое рождает поле. Да, именно поле. Немного ниже мы обсудим этот тезис более подробно.

Появившаяся в результате творческих усилий идея теперь нуждается в развитии и закреплении. Именно по этой причине основателю новой методологии, школы или теории нужны последователи с сильно развитым адаптационным вектором переживания. Что касается самой новой идеи, то ее может постигнуть либо забвение, либо осмеяние (таких примеров история науки и философии знает немало), либо постепенное признание. Революционная идея не попадает в разряд неразделяемой «безумной» реальности по многим причинам³, анализ и обсуждение которых выходят за рамки настоящей работы.

Мысль как беспричинный феномен: феноменология в оппозиции детерминизму

О значении творческого вектора переживания для концепции мышле-

ния я уже говорил выше. Остановимся более подробно на ревизии принципа психического детерминизма. Мы привыкли думать, что мысль рождается лишь в некоторой цепочке ассоциаций. Актуальная мысль логично вытекает из предыдущей, возникновение которой в свою очередь детерминировано предшествующей ей в ассоциативном ряду. Представляется, что принцип психического детерминизма определяет в полной мере функционирование мышления. Однако, очевидно, каждому приходилось встречаться с ситуацией, когда мысль приходит совершенно внезапно, без всяких на то оснований. Конечно же, можно попытаться разрушить этот довод, сославшись на представления о бессознательном. Дескать, предыдущая мысль или иной феномен, которые инициировали возникновение рассматриваемой нами мысли, были просто не замечены или вытеснены. При этом последнее утверждение может быть основано исключительно на *вере* в бессознательное и психический детерминизм. А между тем это всего лишь гипотезы. Никто никогда не видел бессознательное и не проверял, существуют ли психические явления, не обусловленные ни одной причиной. Так ли уж необходимо для понимания природы психического искать причину происходящего или просто даже верить в ее существование? На мой взгляд, нет. Психические явления не обязательно должны быть обусловлены той или иной причиной, они могут

³ Хотя история великих открытий просто переполнена попытками отнести их создателей к «безумцам».

появляться в поле совершенно беспричинно. Напомню читателю, что понятие причины вообще имеет смысл лишь на фоне картины реальности, с необходимостью апеллирующей к категории времени. В реалиях же первичного опыта места для причины просто нет.

Конфронтация описываемых двух точек зрения, по всей видимости, лежит в дифференциации природы творческого и адаптационного векторов переживания. Если предположить, что сущность процесса переживания заключается лишь в приспособлении к более или менее стабильной реальности (что, собственно говоря, и является распространенной точкой зрения в западной культуре), то следует признать, что мышление также является составляющей этого процесса приспособления. В этом случае возникновение мысли довольно прогнозируемо, поскольку источником ее является сама «реальность». Мыслительная динамика настоящего поколения ученых, например, основывается на открытиях представителей науки прошлого. Кстати говоря, именно на этом принципе преемственности взглядов и основана наука — любое исследование предполагает существование его методологической основы в виде устоявшихся уже концепций, теорий и методов. В связи с этим мышление ученого уже детерминировано существующей школой или парадигмой. Порой такая детерминация носит весьма сковывающий для творческого потенциала ученого характер. Большинство исследований так никогда и не выходит за рамки базовой теории. Такое положение вещей в методологии любой

науки описывается как естественное. Но так ли это?

Альтернатива, предлагаемая диалогово-феноменологическим подходом, основывается на представлениях о феноменологическом характере мышления человека. Что это значит? Это значит, что мысль, возникшая в поле, не подчинена принципу преемственности, а обладает совершенной свободой. Эту идею можно выразить и иначе. С феноменологической точки зрения любая мысль может появиться в любую секунду вне зависимости от того, каков был ход предшествующих размышлений человека. Иногда мысль как бы прорывается в процесс осознания/переживания совершенно внезапно, заставляя ее наблюдателя врасплох. Это довольно кратко я уже отмечал в работе, посвященной ревизии принципа полярностей в философии, психологии и психотерапии (Погодин, 2008). Здесь я планирую расширить повествование в сторону ревизии традиционных представлений о мышлении вообще.

Диалогово-феноменологическая модель психотерапии предлагает альтернативу узконаправленному мыслительному поиску, разворачивающемуся в рамках той или иной мыслительной парадигмы. Применительно к практике психотерапии следует отметить еще один аспект рассматриваемой проблемы, относящийся к self-парадигме. Self-парадигма так же, как и научная парадигма, определяет направление и пространство мыслительного поиска, тем самым ограничивая его сферу. Иначе говоря, в этом процессе мы можем найти лишь то, что ищем, что соответствует нашей гипотезе. Для

гипотезы, может, это и неплохо, но вот ригидность мышления при этом обеспечена. И мы годами, а иногда и столетиями бегаем по нами же созданному лабиринту привычных мыслей и идей. Новые мысли отрываются от предыдущих лишь ненамного.

Но это происходит лишь до тех пор, пока мы рассматриваем «ближайшую зону мыслительного развития», ориентируясь на предыдущие мыслительные конструкты, которые «инициируют» мышление. Если же мы дадим возможность полю произвести впечатление на нас, возможно, нас ожидают значительные сюрпризы. Ведь не является очевидным, что зона мыслительного развития должна находиться в пределах досягаемости прошлой мысли. Концепт «зоны ближайшего развития» Л.С. Выготского совершенно верен для процесса развития человека и не годится для процесса актуального мышления.

Еще один аспект обсуждения принципа детерминизма в мышле-

нии и тезиса об ассоциативном его характере связан с упоминавшимися уже нами коллизиями времени. Напомним, что время воспринимается нами как важнейшая абстракция поля, имеющая огромное значение в рамках вторичного абстрагированного опыта и теряющая свой смысл в зоне опыта первичного. Таким образом, отсутствие в рамках первичного опыта абстракции времени не оставляет никакой возможности для власти принципа психического детерминизма, который напрямую связан с концепцией времени. Мысли в первичном опыте как бы присутствуют одновременно, ни одна из них не предшествует другой и не вытекает из чего бы то ни было. Более того, собственно сам «субъект мышления» еще отсутствует. Именно пространство первичного опыта рассматривается в диалогово-феноменологическом подходе как неиссякаемый источник инноваций и потрясающий ресурс для развития человека.

Литература

Кемпинский А. Меланхолия. СПб.: Наука, 2002.

Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия? М.: Мысль, 2003.

Погудин И.А. Диалоговая гештальт-терапия: психотерапия переживанием. Р-н/Д.: Феникс, 2012.

Погудин И.А. Диалоговая модель гештальт-терапии: Сборник статей: В 5 т. Т. 5, кн. 1.: Психотерапия переживанием. Минск, 2011.

Погудин И.А. Диалоговая модель гештальт-терапии: Сборник статей: В 5 т.

Т. 5, кн. 2.: Рискую быть Живым. Минск, 2011.

Погудин И.А. Особенности клинической антропологии в эпоху постмодерна // *Credo New: Теоретический журнал.* 2007. № 3. 51. С. 180–190.

Погудин И.А. Постмодернистская ревизия традиционных психологических ценностей // *Журнал практического психолога (Специальный выпуск Белорусского Института Гештальта).* 2008. № 1. С. 9–25.

Шарден П.Т. Феномен человека. М.: Прогресс, 1965.